

МОСКОВСКИЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
г. Москва

21 ЯНВ 1988

«ДОРОГОЙ Вадим! Я очень рад и счастлив, что мы с тобой что-то сделали и делаем. За это тебе — мой восторг! Я говорю это потому, что ты талантлив, адски трудолюбив и прекрасный товарищ! Обнимаю! С Новым годом!

Радости, здоровья, счастья и везения, которого тебе как раз недостает!

А. ПАПАНОВ.

— ДА, ВОТ ТАК он и делил всех людей: на везучих и невезучих... — композитор Вадим Алексеевич Орловский бережно закрывает книгу, подаренную ему Анатолием Дмитриевичем незадолго до гибели, и задумывается. — На везучих и невезучих... И все же мне повезло: смею думать, что оказался в числе очень немногих, кому довелось познать неизвестную для большинства грань таланта этого большого артиста, удостоившего меня своей дружбой в последние годы жизни.

Он так и сказал: «Удостоившего».

— А я, Вадим, все же не понимаю, почему вы вот так охотно причисляете себя к этой категории. Ведь вы — лауреат Всесоюзного конкурса советской песни, дипломант VII Всероссийского конкурса композиторов! Работаете с такими известными певцами, как Нани Брегвадзе, Валентина Толкунова. Сотрудничаете с режиссером сверхпопулярного сериала «Ну, погоди!» Котеночкиным...

Да и пластинки ваши, насколько я знаю, на прилавках не залеживаются.

— Все верно... Только вот лауреатство мое — давно это было. А в Союз композиторов вступаю сейчас, дожив до седых волос... Да нет, какие тут комплексы? Думаю, Папанов другое имел в виду: не каждому человеку везет на единомышленников, потому что единомышленников не бывает много. Поэтому и случается, что песня, написанная на едином дыхании, годами лежит в столе...

Знаете, как я познакомился с Анатолием Дмитриевичем?

Судьба свела нас в Новосибирске необычайно жарким летом 1982 года. Театр сатиры приехал туда на гастроли. Мне удалось тогда договориться с Андреем Мироновым порепетировать перед спектаклем одну из песен для предполагаемой записи в Москве.

Помню, вошел я в гримуборную, где актеры отдыхали между дневным и вечерним спектаклями, и увидел целое созвездие сатириков: Миронова, Ширвиндта, Державина, Мишулина и Папанова... В волнении перед такой необычной аудиторией подошел по просьбе Миронова к инструменту и начал «Песенку настройщика роялей», по мере ее исполнения воодушевлялся все больше и больше, «входил в образ» и завершил свое «исполнение» лихим пассажем...

Это воодушевление стоило мне того, что Андрей Миронов сказал после небольшой паузы: «Не понимаю, зачем вам здесь я?» Помню, в ответ пробормотал какую-то банальность: кажется, о том, что авторство и исполнительство редко сочетаются в одном лице... Или что-то в этом роде. Однако описанный эпизод, а возможно, и мое хроническое неумение «взять» студию поставили точку в этой истории. «Песенка настройщика...» в телефир так тогда и не пошла...

Но именно этот случай и свел меня с Папановым. Находясь в комнате актеры очень внимательно слушали мое исполнение. Это всегда ощущаешь, даже спиной! И после нашего краткого разговора с Мироновым к роялю подошел Анатолий Дмитриевич. Был он в легком джинсовом костюме и такой же кепочке. Облокотившись на инструмент сзади и оказавшись, таким образом, прямо напротив меня, спросил, внимательно глядя сверху вниз, не могу ли я и ему предложить какой-нибудь музыкальный номер...

Просьба, как вы понимаете, была совершенно неожиданной: что показать прославленному артисту, которого я любил, как и многие зрители? Что-то смешное, игровое?..

Я еще раз посмотрел в глаза Анатолия Дмитриевича, и этот мудрый, заглядывающий в самую душу взгляд вдруг вывел меня из замешательства. В глубинах памяти ожил покоривший многих генерал Серпилин — Папанов из «Живых и мертвых». Я уже знал, что должен играть... «А сердце, к сожалению, стареет... Оно не вечный двигатель... скорее, Оно, как заведенные часы...»

Песня на стихи М. Лисянского «Сердце», написанная мною где-то в середине семидесятых... В общем-то, о поколении Анатолия Дмитриевича, о нем самом... Где-то после третьего куплета решил еще раз взглянуть на Папанова и понял, что не ошибся с выбором. Он попросил

у меня ее с тем, чтобы в Москве посидеть с композитором и «сделать песню» — так и сказал.

На следующий день «Сердце» было уже у него. А еще через несколько дней его увезли с инфарктом в Москву — задолго до окончания гастролей...

Я благодарен судьбе за то, что это была не последняя наша встреча. Анатолий Дмитриевич после того, как врачи подняли его на ноги, о песне «Сердце» не вспомнил ни разу... Но именно этот эпизод помог мне раз и навсегда определить для себя широту его исполнительского диапазона — от незамысловатой песенки до серьезной лирической. Эту последнюю грань таланта Папанова знали очень многие...

В дальнейшем, в Москве, мы выбирали близкие ему песни. Но это было потом. А пока — «висел в воздухе» вопрос записи на радио злополучной «Песенки настройщика...». И я предложил ее ему. Анатолий Дмитриевич согласился сразу, уже тогда увидев и телевариант номера. Пылко загорелся его идеей...

— А вы знаете, Вадим, я ведь помню этот номер! Кажется, это было в одной из новогодних передач года три назад?..

ИНТЕРВЬЮ «МК»

ПОКА ЖИВЫ ЛЮБЯЩИЕ НАС...

— Два... История, связанная с появлением «Настройщика» на телеэкране, очень ярко характеризует Анатолия Дмитриевича. Понимаете, все то, что делал Папанов, он пропускал через свое сердце: будь то роль в кино, режиссерская работа или песня. Потому и получалось ярко, неповторимо, запоминалось сразу и надолго...

Помню день записи этой песни на радио так, как будто это было вчера: вот что значит трудное дитя!.. 22 сентября 1984 года я позвонил ему, чтобы уточнить время встречи с пианистом Михаилом Гусевым, и вдруг услышал, что Папанов страшно занят весь день, а вечером ему надо быть в институте, где он преподавал.

Я упавшим голосом сказал в ответ, что если мы не сделаем это сегодня, то просто не сделаем никогда: завтра я должен был уезжать в Одессу с группой издательства «Молодая гвардия», затем отбывал на гастроли пианист Гусев.

— И я в начале октября улечу... — подхватил Папанов.

Мы помолчали. Я больше ничего не предлагал, ждал его решения.

— Ладно, — сказал Папанов после паузы. — С институтом я договорюсь, встречу с режиссером отложу, а на записи у тебя буду. Во сколько встречаемся?.. Значит, в 18.30.

Он пришел минута в минуту в кожаном пиджаке и такой же кепочке: «Настройщик», — отметил я... Через два часа работы песня была записана. Назавтра я улетел в Одессу, затем в Тбилиси и позвонил Анатолию Дмитриевичу только спустя две недели. Хотел узнать, прошла ли наша запись худсовет.

— Слушай, ты откуда? Из Тбилиси?.. А что ты там делаешь?.. Как, разве ты не слышал? Вчера мы звучали в эфире, в передаче «Добрый вечер!». И знаешь, в какой компании? — Он понизил голос и объявил торжественно: — Джо Дассен, Мирей Матье и я!

А в декабре 1985-го «Песенку настройщика...» предложил заснять в своей новогодней передаче телеклуб «Москвичка».

И снова я должен был улететь, следовательно, не мог присутствовать на съемках, тем более «организовывать» их...

Приехал в театр в двадцатых числах декабря, нашел Папанова в служебном буфете. Он должен был вот-вот уехать в свой институт... История повторялась! У нас было не более пяти минут. Коротко рассказал ему о предложении телеклуба, при-

совокупив, что последний день съемки — 27 декабря...

Представьте себе, конец старого года, у каждого — куча дел, которые необходимо завершить именно сейчас. Надежд на то, что Папанову удастся выкроить в таком небольшом диапазоне время для съемок, практически не было.

Каково же было мое удивление, когда в начале января, в Н-ске, я увидел передачу телеклуба, а в ней — настройщика роялей — Папанова: очки, усы, нарукавники... все эти говорящие атрибуты придумал он сам! Когда?.. Анатолий Дмитриевич все больше и больше восхищал меня своей обязательностью.

Если хотите, именно в этом вижу я ключ к пониманию Папанова — актера и человека.

— Возможно, и в том, что у самого Анатолия Дмитриевича актерская судьба складывалась совсем не так гладко, как это кажется нам теперь. Ведь и всенародное признание, и слава пришли к нему далеко не сразу! К тому же, насколько я могу судить, дар его был куда богаче и разностороннее, чем тот «стереотип Папанова»,

ва», которому адресована большая часть зрительских восторгов...

— Все верно... Те, кто знал Папанова близко, считали именно так. Важно другое: долгий и трудный путь не только не озлобил его, но оставил в актере великое умение глубоко понимать душу человека, не нашедшего выхода к людям по причинам, до которых он никогда не докапывался, понимая, что причины эти могут быть самыми разными...

Отсюда и его легендарная пунктуальность, за которой стоит подлинное уважение к другому человеку.

Чтобы назначить время очередной репетиции, он всегда просил позвонить накануне вечером: «Буду ждать твоего звонка ровно в 22 часа...» И, если не случилось ничего чрезвычайного, подходил к телефону. Очень редко его жена Надежда Юрьевна говорила, что он еще не вернулся из института, а, перезвонив через полчаса, первое, что я слышал, — его извинения...

Как часто думал я о том, что всем нам не хватает такой вот обязательности, воспитанности, в конечном счете — интеллигентности!.. Да, он умел учить вот так — не поучая...

Я показывал ему практически все свои новые работы, и, если песня привлекала внимание Папанова, он записывал ее на магнитофон, затем просил меня сыграть один аккомпанемент... Это были первые этапы совместной работы. Между тем, в нынешней эстрадной среде это не очень-то принято: чаще «звезда» предлагает тебе принести готовую кассету с записью, обещая потом подумать, ляжет ли ей это вещь на душу...

Народный артист Советского Союза Анатолий Папанов был начисто лишен как «звездной болезни», так и присущих такого рода «звездам» качеств.

Да, я уверен, что Анатолий Дмитриевич должен был раскрыться еще одной гранью своего таланта — исполнителя лирических песен. И эта грань уравновесила бы его великолепные гротесковые музыкальные зарисовки... Из четырех песен, бывших у нас в работе в последнее время, особые его симпатии вызывала именно лирическая песня «Клавдия Ивановна», посвященная Шульженко: «В тесном царстве жэковском, коммунальном том Голосом шульженковским наполнялся дом...» Как он преображался, напевая эту песню!

Мы не спеша выкраивали время, работа над ней. Спешить было вроде некуда... Да, можно было бы взяться за серьезную подготовку к эфиру весной: слышать Анатолия Дмитриевича хотели ба-

мовцы, корреспонденты Михаил Косургашев и Татьяна Иванова просили меня организовать эту встречу.

Но тут Папанов взялся за постановку спектакля по пьесе А. М. Горького «Последние» в своем театре, и уж точно стало не до песен... И я попросил ребят подождать до лучших времен... Месяца два я и вовсе не появлялся в театре — болел. А когда выписался из больницы, была уже середина апреля.

Помню испуганные глаза Анатолия Дмитриевича и его удивленный, полупотом, вопрос: «Ты куда пропал?..» Так надолго за последнее время мы не расставались. И я понял, что, невзирая на громадную работу, которую он нес на своих плечах как актер, режиссер и педагог, наши музыкальные встречи были ему нужны.

— Вы говорили о четырех песнях, находящихся в работе. Неужели они навсегда утеряны для нас?

— Накануне отъезда Анатолия Дмитриевича на роковые гастроли в Ригу, я попросил его записать на мой магнитофон эти песни — в рабочем порядке: хотел в его отсутствие подумать над аранжировкой, показать кое-что редактору, ведь две из них были приняты художественным советом фирмы «Мелодия» к записи на авторскую пластинку...

Папанов согласился, и мы записали их за два дня. Кроме того — случайно — «кусочек» репетиции... Мы расстались с ним на крыльце служебного входа в театр. Я поблагодарил Папанова за то, что он нашел время в день отъезда встретиться со мной, попросил его беречь себя на гастролях... Последнее вырвалось случайно: где-то подсудно я всегда помнил те новосибирские гастроли Анатолия Дмитриевича, едва не завершившиеся трагедией...

Вечером он уезжал в Ригу.

Он, как всегда, направился домой пешком, я пошел к метро. В какой-то момент мы одновременно обернулись, помахали друг другу на прощанье...

Анатолий Дмитриевич был старше меня на двадцать лет. Но никогда не относился ко мне с высоты своего возраста и тем более положения... И не только ко мне: я видел его общение с молодыми актерами — доброжелательное, товарищеское. Слышал, как говорили они о его игре, затягивающей, завораживающей не только зрителя, но и партнеров.

И сам я так часто, тихонько войдя в зал, где шел спектакль, с тем, чтобы «минутку» посмотреть Папанова на сцене, не мог уйти до конца спектакля! Вот его Хлудов в «Беге»: Папанов сидит в шинели на высоком табурете — почти спиной к левой части зала. Но как выразительна эта спина, не только когда он бросает свои отрывочные фразы, но даже когда молчит.

...После спектакля, в гримерной, он скажет: «Ты что, опять смотришь? Не надоело?..» И прекратит в самом начале мои попытки говорить о гипнотическом воздействии его игры: «Ну полно тебе!» И улыбнется, как будто речь идет не о нем...

...Да, та последняя рабочая запись на моем магнитофоне — осталась. Я думаю, что усилиями реставраторов ее удастся сделать достойным слушателем.

Наше творческое содружество — так получилось — началось с песни, которая нигде не записана, мы не смогли продолжить работу над ней. Все, что остается сейчас нам с поэтом Марком Лисянским, — посвятить эту песню его памяти. Памяти Анатолия Дмитриевича Папанова, замечательного Человека и Актера.

ВАДИМ АЛЕКСЕЕВИЧ завершает свой рассказ, бережно укладывает магнитофон с бесценными записями. На лице его — та самая светлая печаль, рождает которую только воспоминание о прекрасном и невозвратимом. И тогда я подумала, что права восточная мудрость: жизнь человека не завершается его смертью. Мы живы до тех пор, пока живы любившие нас. Пока живы те, кто нас помнит...

Анатолию Дмитриевичу Папанову предстает необыкновенно долгая жизнь в памяти тех, кто видел и слышал этого подлинного актера, и в памяти тех, кому еще только предстоит встретиться с его даром.

Беседу вела
Алла ХЛЕБНИКОВА.